В.В. Маяковский

Разговор с фининспектором о поэзии

Гражданин фининспектор!

Простите за беспокойство.

Спасибо...

не тревожьтесь...

я постою...

У меня к вам

дело

деликатного свойства:

о месте

поэта

в рабочем строю.

В ряду

имеющих

лабазы и угодья

и я обложен

и должен караться.

Вы требуете

с меня

пятьсот в полугодие

и двадцать пять

за неподачу деклараций.

Труд мой

любому

труду

родствен.

Взгляните —

сколько я потерял,

какие

издержки

в моем производстве

и сколько тратится

на материал.

Вам,

конечно, известно

явление «рифмы».

Скажем,

строчка

окончилась словом

«отца»,

и тогда

через строчку,

слога повторив, мы

ставим

какое-нибудь:

ламцадрица-ца.

Говоря по-вашему,

рифма —

```
вексель.
Учесть через строчку! —
                        вот распоряжение.
И ищешь
         мелочишку суффиксов и флексий
в пустующей кассе
                  склонений
                            и спряжений.
Начнешь это
            слово
                   в строчку всовывать,
а оно не лезет —
                нажал и сломал.
Гражданин фининспектор,
                         честное слово,
поэту
      в копеечку влетают слова.
Говоря по-нашему,
                  рифма —
                           бочка.
Бочка с динамитом.
                   Строчка -
                              фитиль.
Строка додымит,
                взрывается строчка, —
и город
       на воздух
                 строфой летит.
Где найдешь,
            на какой тариф,
рифмы,
       чтоб враз убивали, нацелясь?
Может,
      пяток
            небывалых рифм
только и остался
                что в Венецуэле.
И тянет
       меня
            в холода и в зной.
Бросаюсь,
         опутан в авансы и в займы я.
Гражданин,
           учтите билет проездной!
-- Поэзия
         — вся!—
                  езда в незнаемое.
Поэзия —
          та же добыча радия.
```

В грамм добыча,

в год труды.

Изводишь

единого слова ради

тысячи тонн

словесной руды.

Но как

испепеляюще

слов этих жжение

рядом

с тлением

слова-сырца.

Эти слова

приводят в движение

тысячи лет

миллионов сердца.

Конечно,

различны поэтов сорта.

У скольких поэтов

легкость руки!

Тянет,

как фокусник,

строчку изо рта

и у себя

и у других.

Что говорить

о лирических кастратах?!

Строчку

чужую

вставит — и рад.

Это

обычное

воровство и растрата

среди охвативших страну растрат.

Эти

сегодня

стихи и оды,

в аплодисментах

ревомые ревмя,

войдут

в историю

как накладные расходы

на сделанное

нами —

двумя или тремя.

Пуд,

как говорится,

соли столовой

съешь

и сотней папирос клуби,

```
чтобы
      добыть
            драгоценное слово
из артезианских
              людских глубин.
И сразу
      ниже
           налога рост.
Скиньте
        с обложенья
                   нуля колесо!
Рубль девяносто
               сотня папирос,
рубль шестьдесят
                 столовая соль.
В вашей анкете
              вопросов масса:
— Были выезды?
                Или выездов нет?—
А что,
      если я
            десяток пегасов
загнал
      за последние
                   15 лет?!
У вас —
        в мое положение войдите —
про слуг
        и имущество
                    с этого угла.
А что,
     если я
           народа водитель
и одновременно —
                  народный слуга?
Класс
      гласит
            из слова из нашего,
а мы,
     пролетарии,
                 двигатели пера.
Машину
        души
             с годами изнашиваешь.
Говорят:
        — в архив,
                   исписался,
                              пора! —
Все меньше любится,
                   все меньше дерзается,
```

```
и лоб мой
         время
               с разбега крушит.
Приходит
         страшнейшая из амортизаций —
амортизация
           сердца и души.
И когда
       это солнце
                 разжиревшим боровом
взойдет
       над грядущим
                     без нищих и калек, —
Я
 уже
     сгнию,
           умерший под забором,
рядом
     с десятком
               моих коллег.
Подведите
          мой
              посмертный баланс!
Я утверждаю
            и — знаю — не налгу:
на фоне
       сегодняшних
                    дельцов и пролаз
я буду
      — один!—
                в непролазном долгу.
Долг наш —
            реветь
                  медногорлой сиреной
в тумане мещанья,
                у бурь в кипеньи.
Поэт
     всегда
           должник вселенной,
платящий
         на горе
                проценты
                         и пени.
Я
  в долгу
         перед Бродвейской лампионией,
перед вами,
           багдадские небеса,
перед Красной Армией,
                      перед вишнями Японии —
```

```
перед всем,
           про что
                  не успел написать.
А зачем
       вообще
               эта шапка Сене?
Чтобы — целься рифмой —
                           и ритмом ярись?
Слово поэта —
              ваше воскресение,
ваше бессмертие,
                гражданин канцелярист.
Через столетья
              в бумажной раме
возьми строку
              и время верни!
И встанет
         день этот
                  с фининспекторами,
с блеском чудес
               и с вонью чернил.
Сегодняшних дней убежденный житель,
выправьте
          в энкапеэс
                     на бессмертье билет
и, высчитав
           действие стихов,
                           разложите
заработок мой
              на триста лет!
Но сила поэта
             не только в этом,
что, вас
       вспоминая,
                  в грядущем икнут.
Нет!
    И сегодня
              рифма поэта —
ласка,
     и лозунг,
              и штык,
                       и кнут.
Гражданин фининспектор,
                         я выплачу пять,
все
   нули
        у цифры скрестя!
Я
  по праву
           требую пядь
```

в ряду

беднейших

рабочих и крестьян.

А если

вам кажется,

что всего делов —

это пользоваться

чужими словесами,

то вот вам,

товарищи,

мое стило,

и можете

писать

сами!

1926